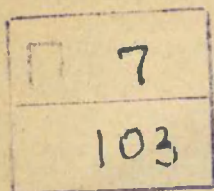

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

п7
103

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ 67

КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Ответственный редактор
проф. С. В. Касторский*

ЛЕНИНГРАД · 1948

ЧЕХОВ И „ЗАПИСКИ ОХОТНИКА“

Проф. Г. А. БЯЛЫЙ

В середине 80-х годов в рассказах Чехова появляется целая галерея «вольных людей» из народа, мирных бродяг, мечтателей, артистов и художников в душе. Во многих его произведениях проходят, сменяя друг друга, необычные люди: крестьянин, одержимый, артистической страстью к охоте («Он понял», 1886); человек вольной жизни, неспособный к тусклому, будничному прозябанию («Егерь», 1885); художник из народа, живущий как все в обычное время и вдохновенно перерождающийся в период творческой работы («Художество», 1886); деревенский дон-жуан, лишенный и тени фатовства, спокойно презирающий бытовые пути скудной деревенской жизни («Агафья», 1886); старик-философ, тоскующий в предчувствии гибели мира и земной красоты («Свирель», 1887); другой бесприютный старик-бродяга, влюбленный в красоту земли и поэтически проникший в тайны и загадки природы («День за городом», 1886). Это все люди внутренние свободные, артистически-изящные, по-своему мудрые и даже ученые, только «учились эти люди не по книгам, а в поле, в лесу, на берегу реки. Учили их сами птицы, когда пели им песни, солнце, когда заходя оставляло после себя багровую зарю, сами деревья и травы» (там же).

Эта группа рассказов образует как бы чеховские «Записки охотника», возникшие несомненно не без тургеневского влияния. Тургеневские «Певцы» ожили в чеховском «Художестве»: оба рассказа объединены аналогичной темой, сходным образом трактованной — художественный подъем в редкие минуты жизни и разительное падение артиста из народа в обыденном существовании. Рассказ Чехова «Егерь» связан с тургеневским «Свиданием». (Подробный параллельный анализ «Свидания» и «Егеря» см. в статье А. С. Долинина «Тургенев и Чехов» — сборник «Творческий путь Тургенева», изд. «Сеятель», П. 1923.)

Чеховская «Свирель» представляет собой вариацию на мотив «Касьяна с Красивой мечи». И тут, и там охотник с ружьем и собакой встречается со странным, дикийным стариком, необычной наружности, со своеобразной речью. У Тургенева: «Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткой важностью, изредка закрывая глаза» Ср. у Чехова: «Повидимому словам

своим придавал он не малое значение и, чтобы усугубить им цену, старался произносить их вразяжку, с некоторой торжественностью».

В обоих рассказах пейзажный фон облачного дня, зной и духота. Но у Тургенева это зной полного жизни летнего дня, цветущая природа, лучезарный воздух, трепещущее лепетание листьев. У Чехова же рассказ строится контрастно по отношению к Тургеневу: дождливый гнилой день позднего лета; все предвещает несчастные дни осени; тоскливые звуки свирели; беспорядок в природе, в мире. В гармонии с этим фоном звучат в обоих рассказах речи героев: в уста Касьяна Тургенев вкладывает гимн жизни, в речах чеховского философа из народа слышится тоскливое предчувствие близкой гибели мира. Чехов, таким образом, сознательно разрушает тургеневскую идиллию, но вместе с Тургеневым он любит силу и глубиной духа человека из народа. Ликующий философ Тургенева и тоскующий философ Чехова одинаково полно и страстно любят красоту божьего мира; в этом герой Чехова не уступает своему предшественнику: «Жалко! — вздохнул он (герой «Свирели») после некоторого молчания. И, боже, как жалко! Оно конечно, божья воля, не нами мир сотворен, а все таки, братушка, жалко! Ежели одно дерево высохнет, или скажем, одна корова падет, и то жалость берет, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идет прахом? Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари — все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает. И всему этому пропадать надо!»

Тургеневские бродяги и непоседы — Калиныч, Степушка (из «Малиновой воды»), а также и Касьян по самым основным чертам своего облика соответствуют названным выше чеховским бесприютным и непоседливым вольным счастливицам. Тургеневский Ефрем из «Поездки в Полесье» своим буйным озорством и воровскими повадками, своей удалью и бесшабашным цинизмом отразился у Чехова в образе Осипа из первой драмы без названия. Оба героя держат в страхе всю округу и оба щеголяют своей безнаказанностью.

У Тургенева: «Аль отпустили? спросил Кондрат.

— А то небось нет! возразил мужичок и осклабил зубы.

— Нашего брата держать не приходится.

— И Петр Филипыч ничего?

— Филипов-то? Знамо дело, ничего... От Петра Филиппова то? Вона! Видали мы таких. Суется в волка, а хвост собачий.»

Ср. у Чехова: «Осип... Всякому, положим, известно, что я, положим, вор да разбойник (смеется), да не всякий доказать это может... Гм... не смел нонче народ стал, глуп, не умный то есть... Боятся всего... Ну и доказать боится... Выслать бы мог, да законов не понимает... все ему страшно. Осел нонче народ стал одним словом... Все норовит исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко.» (Действие I, явл. XV).

С рассказом Тургенева «Татьяна Борисовна и ее племянник» связан рассказ Чехова «Талант» (1886 г.). Бездарный художник, живущий на хлебах у своей тетки (в рассказе Тургенева), и столь же бесталанный и ленивый художник, вечно ожидающий денег от тетки (в рассказе Чехова) — родные братья. Они одинаково неопрятны физически и нравственно, одинаково влюблены в себя и в свой мнимый талант, одинаково невежественны и не-любезнательны, даже одинаково неотразимы для девиц. Наконец, как у Тургенева истинная цена его художника выясняется при сопоставлении с такими людьми, как, например, Яков Турок, так и чеховский «артист» обнаруживает истинную свою цену при сравнении с такими рядом с ним созданными образами, как герой «Художества» или тот почивший духовный поэт, о котором со слезами восторга повествует его друг в рассказе «Святою ночью» (1886).¹

Тургеневское умиление красотой и силой простых людей проникает рассказы Чехова этой серии; так же как у Тургенева, находим мы здесь контрастное сопоставление гуманной жизни людей поэтического склада души с несправедливой и убогой жизненной прозой существвателей. В тургеневских «Записках охотника» и в аналогичных рассказах Чехова разворачивается особая, возвышенная стихия, противопоставленная отрицаемому низменному миру и несущая в себе авторское «утверждение», выражающая декларируемую автором жизненную норму. Ядовитые шутки над обывательским миром, литературные пародии, демонстративные отказы от всяческих литературных иллюзий о жизни и людях, — все эти черты, столь характерные для молодого Чехова, находят в его раннем творчестве отчасти противовес, отчасти дополнение в тургеневских мотивах и образах. Эта струя в раннем творчестве Чехова должна привлечь внимание исследователей. Указанные выше произведения (за исключением «Егеря») еще не подвергались пристальному изучению. Между тем они существенно меняют сложившийся в нашем представлении облик Чехова 80-х годов.

¹ Отмечу одну маленькую, но характерную деталь. Отношение Чехова к быту мелких художников, сказавшееся в рассказе «Талант» находит соответствие в его письме к брату Николаю, живописцу по профессии, которого Чехов укоряет в лени и безалаберности. «Надо смело плюнуть и резко рвануть, — пишет он в заключение. — Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал...» (Письма А. П. Чехова, том I, изд. 2-е М., 1913, стр. 293, март 1886).